

Птич

СОЛЛЕКШН

РУСЬ!

Ц ЦХ РОЛЬ В ШОУ-БИЗНЕСЕ

ДЖИНСЫ

за миллион

ФОРТ:

война двух столиц

КЕВИН СМИТ

наносит ответный удар

Derrick Carter
 Luke Solomon
 Deep Dish
 Xaver Fischer Trio
 Residents
 & Depeche Mode

ISSN 1560-3601

9 771560 360989 >

Бессмертие на носу –
подробности внутриПарк Юрского периода
с Solar X«Блондинка в законе»
Риз Уизерспун

*БЬОРК

+ Алисия Кейс / Сушила Раман / Мадонна / Наталья Ветлицкая

СОЛНЦЕ

// Светлана Сачкова

> Сразу хочу предупредить, дабы не возникло никакого недоразумения. Это – обыкновенные записки путешественника. Путешественницы. Ни единого предлога для их написания, кроме того, что я поехала тогда путешествовать. Сейчас все пишут о своих путешествиях; отчего бы и мне не написать? Что я, хуже других, что ли? И я кое-где побывала.

Я была приятной во всех отношениях девочкой-блондинкой с голубыми глазами. Приобрела черный пуховик на три размера больше, чем нужно – другого не было. Они тогда только входили в моду. Мне почему-то казалось, что в Европе поздней зимой должно быть очень холодно. Представляла настоящего владельца этой куртки, того, кому она была предназначена и должна была попасть в руки – огромного нью-йоркского афро-американца с золотыми цепями. Еще я купила черное бархатное платье и огромный рюкзак. Но это было потом. Сначала я зарабатывала деньги на поездку.

Я была стилистом на фотосъемках. Мы снимали порнографию. Причем фотограф, с которым я работала, специализировался на съемках для журнала «Big Ass» – поэтому я придумывала наряды и накладывала макияж огромным, по-американски жирным теткам. А, ну да, забыла сказать – я тогда жила в Нью-Йорке.

Моего фотографа, сорокалетнего черного мужчину с манерами английского джентльмена, звали Ли; он обожал сигары. Модели обычно приходили к нему в квартиру, и мы снимали в маленькой комнате, оборудованной под студию. Особых изысков в моей работе не требовалось, но я напрягала фантазию – хотя бы для того, чтобы не сойти с ума от скуки. Изредка происходили любопытные эпизоды, скрашивавшие рутину. Например, одна замужняя мадам, только родившая ребенка, выразила желание, чтобы съемки происходили у нее дома, при муже. Ли, ассистент и я погрузили аппаратуру в разваливающийся старый «бьюик» и поехали вглубь Бруклина. Долго плутали; наконец, обнаружили малосянкий белый домик среди других, точно таких же. Мадам встретила нас, огромная расплывшаяся туша с милым детским лицом – ей нельзя было дать больше восемнадцати лет. Войдя в гостиную, мы обнаружили перед телевизором мужа такого размера, что застыли с раскрытыми ртами. Ли едва поймал свою сигару. Между тем, муж оказался вполне светским человеком: поднял свой гигантский вес с дивана и многократно поцеловал мне руку, щекоча кудрявой гривой и пышной бородицей. Мы начали располагаться.

Сначала – стандартные снимки. Враскорячу, с особым вниманием на невероятного размера груди, живот и заднюю часть; съемки получались вполне невинными, поскольку среди обширных складок ничего такого не было видно. Потом – фото со струями молока, которые молодая мать выжимала из собственного тела с обезоруживающим простодушием и отсутствием стеснения. Затем уже меня попросили что-нибудь придумать. Я превратила ее в ребенка, которым она, в общем-то, и была: нацепила ей чепчик, слюнявчик и со-

ску. Все были в восторге, в особенности муж. Он буквально не отходил от меня. Потом исчез, а когда вернулся, наша небольшая группа ощутила свою профессиональную деятельность вполне обыденным занятием. Муж оказался довольно известным рестлером. Был одет в черную кожаную маску с дырками только для глаз, блестящий золотом пояс, плащ и различные аксессуары с металлическими шипами. Притащив свои регалии и разложив их бережно на всеобщее обозрение, поставил видеокассету с собственными выступлениями. Засим возобновил ухаживания с новой силой. Несмотря на то, что мои спутники едва держались на ногах от хохота, нам удалось выбраться из этого дома лишь спустя два часа.

Через какое-то время я решила сменить ремесло, поскольку нынешнее денег много не приносило и занялась я им, в основном, из любопытства. На прощание Ли решил сделать что-нибудь для души. На совместную съемку пришли две привычно огромные тетки, черная и белая. Пока они имитировали ласки на ковровом покрытии, я набросала эскизы. Ли одобрил, и я приступила. Женщины лежали, не пикнув: они были до жалкого уродливы и потому скромны. Я рисовала у них на задницах, для начала закрасив прыщи. На одной изобразила мультишную физиономию: свирепого пролетария с отвислой нижней губой и трехдневной щетиной; тетка лежала на боку, так что верхняя половина попы была верхней частью лица, и раздел проходил по линии рта. На второй попе я в том же стиле намалевала интеллигента. На него надели фетровую шляпу, а на пролетария – строительную каску. И вставили ему в рот сигару. На ковре перед ними разложили карты и деньги. Получились снимки, принадлежащие к категории искусства. Вполне.

Затем я работала в баре, смешивала коктейли. Пару раз получила единократные чаевые в размере ста долларов. Это, однако, не компенсировало нехватку сна.

Тогда я поехала на Аляску работать на плавучем рыбообрабатывающем заводе. Незабываемое время. На обратном пути в Нью-Йорк я отвела два дня на красоты Сиэтла, не зная еще, что лет через шесть буду проводить в этом спокойном прохладном городе гораздо больше времени.

В первую ночь мне довелось весьма комфортно поспать у знакомых в пригороде. Утром вышла на шоссе и, не имея ни малейшего представления, как добраться до Даунтауна, начала голосовать, несмотря на запрещающий знак. Долго никто не останавливался. Затем подрулил отвязный молодой человек с козлиной бородкой и многочисленными ювелирными изделиями в бровях, губах и носу, вежливый и тихий. Стал возить меня повсюду, руководствуясь одной своей добрейшей душой, и рассказывать о любимой женщине, с которой у них скоро будет ребенок. Показал гнома под мостом, ржавый покинутый завод, знаменитые секонд-хэнды и сосисочную лавку. Так мы катались до вечера и, в конце концов, я рассталась с ним сама, почувствовав себя неудобно перед лицом такой самоотверженности. Предложив ему вознаграждение, от которого он не замедлил отказаться, я высадилась из машины. Поскольку уже стемнело, а в моду только входил гранж, я поспешила в клуб.

И напрасно – меня туда не пустили. Недоставало двух лет до совершеннолетия по-американски. Я толкалась снаружи и наблюдала прокильную толпу. Когда начался концерт, еще одна добрая душа, продемонстрировав наличие воображения, вынесла мне стул. Я сидела в дверях и наслаждалась. Вечер прошел удачно.

Однако, теперь я совсем не знала, как быть с ночлегом. По предварительным сведениям, добраться до дома знакомых в такое время было проблематично. Я решила не париться и заночевать в городе. Побродив какое-то время по улицам, совершенно пустым еще с семи вечера, набрела на телефонную будку со справочником. Отыскала номер приюта для бездомных. Позвонила и сказала, что работает на судне, бедная русская женщина, самолет завтра, денег нет. Приятный баритон ответил сначала, что не положено. Надо приобрести какой-то там статус. Но разве может мужчина, если он привык к настоящим бомжам со статусом, противиться моему сладкому голосу?

Придя по адресу, обнаружила освещенное галогеном белое помещение, слегка подвивающее. Со всех сторон – любопытные взоры тех самым настоящих бездомных. Заполнила формы и анкеты. Молодой человек выдал одеяло камуфляжной расцветки: только для женщин. А я-то думала, в этой стране нет дискриминации. Зашла в туалет и решила, что никакие зубы лучше не чистить – здоровее буду.

В женской спальне, состоящей из доброй сотни двухэтажных кроватей, я едва нашла свободное место. Нижняя полка. Голые доски. По ним пробежал по своим делам таракан. Я положила одеяло, легла на него, не раздеваясь, зажала в руках рюкзак и накрылась оставшейся половиной.

Ночь, естественно, оказалась незабываемой. Надо мной дико скрипела досками большая негритянка, и я боялась, что она рухнет на меня и раздавит в лепешку. Со всех углов неслись крики: кто-то монотонно прочитал, кто-то ругался, кто-то выл запредельно. Вонь неслась отовсюду и была хуже криков. Утром я встала со слезящимися глазами и трясущимися поджилками. Всего лишь недосып. Подумаешь. У туалета меня поймал беззубый отвратительный старичок.

– Пойдем позавтракаем, красотка! Мы – семейная пара.

Я извинилась и начала отходить.

– Ты, наверное, новенькая, – не отставал он.

– У нас семейным парам еду дают без очереди.

От такого предложения я отказалась не могла. Никогда не завтракала с бездомными.

Мы вышли на улицу. В следующем квартале виднелся длиннющий хвост очереди. Сказавшись парой, прошли в кафетерий; еще одна форма дискриминации? Или политика, поощряющая формирование уз среди обездоленного населения? Старичок был очень горд собой.

Съесть я так ничего и не смогла, хотя все покусала. Серый омлет из чана, обломки позавчерашних пончиков. Кофе – такой и в страшном совковом сне не снился. Довольная приобретенным опытом, я распрощалась со спутником и выбралась на воздух. Первым делом сняла и выкинула носки. Поскольку спала в кедах, этот фрагмент белья использовать было уже нельзя. Позавтракала в МакДональдсе.

Лондон

А вот дальше все стало складываться цивильно. Я укатила в Лондон с группой американских студентов из моего университета. Предмет учебы – британский театр и искусство. Днем – часовы семинар и музеи, музеи, музеи. Вечером – театр. Помимо обязательных трех спектаклей в неделю я посещала дополнительные, самостоятельно выбранные, всего лишь потому, что театр обожаю до мании. Лето, панки, клубы, блошиные рынки. Опера и балет. Может быть, кому-то не нравится, а мне – да. Только есть было совсем нечего: пицца отвратительная, и совершенно непонятно, как в этом городе существуют люди. Я покупала в супермаркете кефир, фрукты и ежедневно варила китайскую лапшу.

Мы, американские студенты, жили все в одном общежитии, видели друг друга постоянно. Развивались романы, конфликты, взаимные интересы, склоки и сплетни. Образовались маленькие тесные группы. Между тем, я ни с кем особенно не подружилась. Меня отчего-то мучали комплексы. Вполне возможно, оттого, что на Аляске я растолстела по сравнению с прежней худенькой собой. Коллеги глазели на меня с любопытством. Нелюдимая русская девочка с фиолетовыми волосами, в серебряной юбочке, драных колготках-сеточках и со множеством колец и сережек – как не поглязеть? Интеракции сводились к тому, что, готовя завтрак на общей кухне, мы обменивались приветствиями. Один раз я вытащила хлеб из тостера по просьбе девочки, которой мама в детстве говорила, что тостер дернет ее током.

Учиться было наслаждением. Как уже сообщалось, имею страсть к театру. Кроме того, мы ходили смотреть пьесы Кокто в Королевском театре, и там минут пятнадцать живописно провел на сцене совершенно голый мужчина. Невероятно красивый. Сейчас он, конечно, голливудская звезда, но тогда был начинающим британским актером. Его образ меня долго преследовал. Особенно трудно мне далось написание домашней работы – анализа постановки – поскольку я ничего, кроме этого актера, в спектакле не успела заметить.

В другой раз нам дали задание: провести интервью с человеком, работающим в одном из крупнейших театров. Человека выбирать самостоятельно. У меня и так было полно личных проектов, поэтому я, не желая затрачивать много сил, стратегически выбрала себе партнера по заданию. С нами училась женщина за тридцать, начинающий драматург, которая и показалась мне весьма компетентной. Преследуя свой личный интерес, она организовала встречу с замдиректора театра по литературной части; мы благополучно написали и сдали работу. На семинаре народ стал отчитываться перед профессором: кто-то опросил продюсера, кто-то – заведующего звуковыми эффектами. В основном, над заданиями работали группами по двое. И вдруг одна девочка, довольно странная, бесформенная, но с привлекательным лицом и таинственным блеском в глазах, рассказывает, что делала задание одна. А интервью проводила – с тем самым неве-

роятно голым актером. Услышав об этом, я чуть не грохнулась в обморок и была в своих чувствах не одинока. Женская часть класса заскрипела зубами, начала шушукаться и стараться испепелить виновную, хотя та была всеобщей подружкой. Профессор, как ни в чем не бывало, спрашивал о технических деталях, как то: сколько интервью заняло времени. Девочка красноречиво замялась, не умея точно определить отрезок времени. Один лишь профессор не догадался о том, чем закончилось интервью. А, может быть, еще и не закончилось. У меня же в голове мигала одна только фраза: УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ. Нет ничего страшнее, чем сожалеть о том, что мог бы сделать. Ведь могла бы, но даже не подумала, потому как не полагала возможным. Американцы. Американская философия: видишь – хватай.

Эта мысль меня еще долго преследовала, но, к счастью, я обрела новую слабость: обувь. Магазины «Шеллиз» были повсюду, и я подолгу стояла у витрин. Это был чисто британский шик и стоил он много денег. Лишних у меня не было, я и так экономила на еде. Какой-то турок навязал мне свое общество, кормил, но на туфли без определенного задатка раскрутить его не удалось. И тут я увидела объявление в газете: сто фунтов за съемочный день. Независимый короткометражный фильм. Привлекательные молодые люди и девушки, умеющие плавать. Я пошла на кастинг. Меня взяли.

Съемки проходили в спортцентре как раз рядом с моим общежитием. На дно наполненного водой бассейна установили античные колонны и увили пластиковым плющом; подводные камеры снимали происходящее в воде. А происходило там вот что: пятеро девушек и пятеро юношей плавали голышом. Только и всего. Идея создателей была создать волшебный мир подводных жителей. Зритель наблюдает за жизнью морских людей, как обычно наблюдают рыбок в аквариуме.

Накрашенные несмыывающимся макияжем, мы приступили. Работа оказалось изнурительной и вполне стоящей ста фунтов. Несколько часов ныряли по команде в воду, разъедающую глаза хлоркой, и должны были вести себя под водой совершенно естественно. Гоняться друг за другом, хватать за руки, смеяться, прятаться за колонны. С открытыми глазами и не выпуская пузырей изо рта. Под конец русалки обоих полов изнемогали и успели подружиться. Когда мучения закончились, мы с девчонками пили кофе и промывали глаза полосканиями, поскольку их жгло нещадно. Постепенно разговор стал крутиться вокруг одного из юношей. Красивый, как бог, он вел себя странно во время всех своих появлений на берегу: плотно закрывал интимные части тела руками. При том, что все остальные, и даже те, кому было что скрывать, вели себя раскованно. И все равно мы эти его части видели. Затем и юноши подошли к нам пить кофе и промывать глаза, и тут мы подслушали их разговор: этому богу было всего четырнадцать лет. Девчонки переглянулись: ну, тогда понятно.

По окончании прощаний и объятий все отправились по домам. На следующее утро у меня был экзамен, предстояла ночь зубрежки. И тут меня

хватила паника: я начала терять зрение. От этой чертовой хлорки все расплывалось перед глазами! Я встала посреди улицы и застонала, поняв, что зубрежка отменяется. А потом еще и дошло, что черт с ним с экзаменом, а как же зрение? Сто фунтов мало за слепоту в девятнадцать лет. Пока я размышляла на эти печальные темы, меня нанял четырнадцатилетний бог, который, видимо, шел за мной. Я живописала ситуацию. Он засмеялся, сказав, что к завтрашнему утру зрение восстановится, и предложил проводить.

В мою комнату зашли под непрекращающимися огневшими взглядами моих коллег по учебе. Я отнесла подобные взгляды на счет взрывной комбинации нечеловеческой красоты моего спутника и моей предполагаемой нелюдимости, в совокупности с фиолетовыми волосами. Предложила гостю чаю, а он, в свою очередь, предложил пойти в клуб, раз уж зубрить мне не придется. С радостью согласившись, я начала приводить себя в порядок: истратила полфлакона мыла, чтобы отмыть несмыывающийся макияж. После чего перестала видеть вообще. Молодой бог опять предложил свои услуги: сам выбрал мне гардероб. И здесь встал вопрос нового макияжа, того, с которым мне следует посещать общественные места. Я пошутила: ну, здесь ты мне уже вряд ли сможешь помочь. Бог сказал: это еще почему? Меня, которую до этого ни один мужчина не видел в природных цветах, начал красить четырнадцатилетний мальчик. Он нарисовал мне брови, стрелки, наложил помаду и тушь. Потом еще заплел две косички, как я их тогда носила. И говорит: теперь мне надо переодеться, поехали ко мне домой.

> Один раз я вытащила хлеб из тостера по просьбе девочки, которой мама в детстве говорила, что тостер дернет ее током <

Добирались нудно, с пересадками: поскольку был поздний вечер, подолгу ждали поездов. Болтали, рассказывали о себе. Джон не так давно переехал с семьей в Англию из Новой Зеландии. То-то, я думаю, у него акцент такой прикольный и манеры старомодные. Потом шли пешком, по довольно уютному, но почти неосвещенному пригороду, пока, наконец, не достигли искомого дома с крылечком. Дверь открыла мама Джона — худенькая сухенькая женщина с короткой стрижкой. Она попыхивала сигареткой. Других обитателей дома, если они и были, не наблюдалось.

Мы пили чай и мило болтали. Я, надо сказать, выглядела так, что вряд ли могла понравиться маме четырнадцатилетнего сына. Она была, между тем, очень приветлива. Даже чересчур. Мы-то ей сказали, что собираемся в клуб, и я украдкой поглядывала на часы, так как дело близилось к часу ночи, а утром все-таки экзамен. Наконец, я не вытерпела, и пробормотала:

— Джон, что же ты не переодеваешься, так мы в клуб до утра не попадем.
Он взглянул на часы и улыбнулся радостно:

— Да последний поезд уже полчаса как ушел. Ты теперь и к себе в общежитие не попадешь.

— Я постелю вам чистую постель, — пропела мама и ушла.

Надо сказать, я ощутила себя немножечко дурой. Семейка была очень милой, но как-то у них в Новой Зеландии все странно.

Пригласив нас в спальню, мама пожелала спокойной ночи. Я в некотором ужасе увидела, что постелила она одну постель на двоих. Ужас происходил оттого, что я не смогла поставить себя на место мамы четырнадцатилетнего сына, который привел в дом тетку в серебряной юбочке и с красными глазами, только что им встреченную. Ретировавшись в ванную, я поинтересовалась у самой себя, знает ли мама, где сегодня подрабатывал ее сын. Наверное, знает и ничего не имеет против, а он вкладывает эти деньги в семейный бюджет.

Зато я, например, из страха, что мои родители могут вытащить как-то раз почту и займет инфаркт, отказалась от того, чтобы мне прислали копию кассеты с русалочьим фильмом. О чем до сих пор и жалею.

Тем временем мы с Джоном поместились в постель. Обнялись. Я бы не имела ничего против продолжения. Но он ничего такого не делал, хотя не спал. Я отчего-то чувствовала себя ребенком рядом с ним и боялась дышать. Потом мы обнялись покрепче и заснули. Я иногда просыпалась и целовала его в плечо.

Утром Джон проводил меня до метро, радостно болтал. Мама была точно так же приветлива, как и предыдущим вечером; я же не могла взглянуть ей в лицо. Села на поезд и проигрывала разные версии: вот сейчас Джон приходит домой, рассказывает маме все в деталях, потом они обсуждают. Высокие отношения между мамой и сыном.

На следующий день он позвонил и предложил встретиться в Ковент-Гардене. Я летела туда, постаравшись выглядеть в своем лучшем варианте. Прождала полтора часа, он не появился.

Утром я была в театре. Спектакль назывался «Завтрак», и зрителей кормили завтраком прямо в зале. По окончании спектакля я не выдержала и позвонила Джону.

Он, по всей видимости, только встал. Как обычно, мило беседовал и не упоминал вчерашнее происшествие. Я упомянула о нем сама.

— Мы с тобой договорились вчера встретиться. Почему ты не появился?

— Ой, извини, пожалуйста. У меня денег на метро не было.

Я остолбенела. Это идиотская отговорка или как?

— Ты что, не мог попросить у мамы?

— Нет, конечно. У нас не такие отношения.

Высокие отношения, я же говорю. Больше я ему не звонила, и он тоже. Это происшествие и по сию пору осталось для меня загадочным.

Больше я особо ни с кем не водилась. И на семинарах молчала. Американские студенты ведут себя совершенно раскрепощенно в подобных ситуациях и болтают, неся порой такую ахинею, что мне становится за них стыдно. Видимо, поэтому я и молчала. Но однажды мы посмотрели постановку «Чайки» в знаменитом театре. Полклас-

са с нее сбежало, вторая половина заснула. На семинарах мы обсуждали достоинства и недостатки постановок, и в этот раз, по сигналу преподавателя, отовсюду понеслось:

— Это было так скучно и нудно... Совершенно бессмысленно... Я будил себя десять раз, щипая, но все равно засыпал...

Не очень конструктивная критика, правда? Профессор так и сказал. После чего студентов понесло уже в другие дали; стараясь умничать, они начали рассуждать о самой пьесе. Почувствовав, что еще немного, и я буду оскорблена в своих лучших патриотических чувствах, я подняла руку. Все уставились на меня. Я сказала примерно следующее:

— Как вы, возможно, знаете, лучшие произведения русской литературы середины девятнадцатого и начала двадцатого веков освещали, в основном, одну и ту же проблему. А именно: лучшие люди этого периода, образованные, умные,чувствующие, оказывались ненужными в России, не имели возможности найти себя, самоактуализироваться, помочь другим. Они оказывались жертвами косности общества, стиля жизни, ощущали себя загнивающими в провинции, стареющими и не способными ни на что. Вышесказанное в особенности касается пьес Чехова, глубокого и тонкого писателя, классика мировой литературы.

И далее в том же духе. Все то, что мог бы на моем месте сказать любой, отучившись хоть пару лет в советской школе.

— Между тем, данная постановка не то что не отразила этой проблематики, но даже и не намекнула на нее. Пьеса совершенно потеряла смысл. Все терзания людей кажутся непонятными и скучными, а сами люди пустыми и бездарными. Худшей постановки Чехова мне еще видеть не доводилось.

Нужно было видеть лицо профессора. Об остальных я и не говорю. Простодушные американцы были сражены внезапным проявлением долго скрываемого безграничного интеллекта. До окончания обучения мне уже ничего не нужно было говорить или делать, чтобы упрочивать свой статус; одного раза было достаточно. Они теперь испытывали благоговейный страх. Правда, тогда я не слишком обратила на это внимание, и о мере произведённого эффекта узнала тремя годами позже, когда встретила в нью-йоркском метро ту девочку, жизнь которой я спасла от тостера. Она подошла ко мне, узнав каким-то непостижимым образом. Я была коротко стриженной и беременной, в вельветовом комбинезоне без спецэффектов. Девочка бросила университет и работала эпилептической.

— Света, какая ты... Мы так тобой восхищались тогда... мы были просто шокированы, когда ты произнесла эту речь на семинаре... И как ты была такой самодостаточной, ни с кем из нас не общалась, везде ходила, путешествовала все время одна...

в пределах Британских островов

Да, о путешествиях. На длинные уикэнды и праздники я уезжала осматривать Англию, Шот-

ландию, Уэльс. Поездки как поездки, я да мой фотоаппарат. Пиво в пабах, белые домики и зеленые равнины в окнах автобуса. Правда, если бы коллеги узнали о моих путешествиях подробнее, они вряд ли нашли бы, чему позавидовать.

К поездке в Уэльс я приготовилась тем же образом, что и ко всем другим: сунула одеяло, книгу и сухофрукты в рюкзак. Не очень хотела ехать, двигаясь, повинуясь какой-то необъективной необходимости. Надо действовать, надо познавать мир. Что-то в этом роде. По правде говоря, мне уже перестало хотелось куда-нибудь ехать или идти. Пунктом назначения я выбирала не весь Уэльс сразу, а какой-то дальний мыс, где можно было вдоволь насладиться суворой природой, волнами, бьющимися о скалы.

Добралась туда в солнечный день. Побродила по склонам и расположенным на них сочным пастбищам с пятнистыми коровами, которые подслеповато щурились и блестели шелковистой кожей. Море, темно-бирюзовое, действительно билось о берег; пейзаж был мирным и пронзительно живописным. И это был, по всей видимости, самый край земли — поскольку меня стали одолевать самые мрачные чувства. Кажется, никогда я не ощущала себя такой одинокой, как на этих желтых тропинках, где меня овеял солнечный бриз, где я ела мандарины и фотографировала блестящего слизняка. Все это толпилось у меня в горле и пошипывало. Абсолютная бессмыслица преследовала меня. Зачем я куда-то еду? Зачем приехала сюда? Мне казалось, что надо. Для чего надо, я не знала. Тем не менее, сил противиться не было.

Заночевала я в бывшей конюшне, ставшей недавно хостелом для молодежи. Долго шла к ней, одиноко расположенной у подножия далекого холма, и достигла цели, когда начало смеркаться. Сооружение это было видно издалека, и оно успело примелькаться, похожее на готический замок или собор: длинные скаты его крыши были соединены под очень острым углом. Внутри здание оказалось грубо сложенным из огромных бульдозеров и распerteты деревянными балками. Пол, устеленный соломой, и тяжелые лавки вместо кроватей. Кроме меня, хозяинки и персонажа неопределенного возраста с синдромом Дауна, там никого не было. Я, перебарывая мурчики, сварила китайскую лапшу на старой плите во дворе и съела ее, озираясь. Уже не задавала себе вопросов, а только подбадривала, чтобы продержаться до утра. Хозяинка с персонажем ушли в боковую каморку, а я расстелила одеяло на лавке, ближайшей от выключателя, и завела будильник. Заснула сразу же.

Встала рано, полная сил и радости: ночь прошла благополучно. Мне предстояло поймать автобус в Лондон, останавливающийся в ближайшем поселке раз в двое суток. На следующее утро я сдавала важнейший экзамен и рассчитала все до минуты.

По бессмыслицей солнечной пыльной дороге среди колоссящихся полей, не наблюдая никаких признаков жизни вокруг, я протопала пару километров. За это время я успела внутренне скнуться. Возможно, здешнее небо падает на че-

ловека и раздавливает его, как букашку. Достигнув асфальтированной однополосной трассы, я, однако, оживилась: движение происходило, и весьма активное. У меня был час на то, чтобы поймать машину и добраться до поселка. Полне. Ехать – не больше десяти минут.

Лениво вытянув руку, я встала у обочины. Полтора десятка машин проехали мимо, и я слегка удивилась: в Великобритании, как и почти везде в Европе, попутчиков брали охотно. Начала уделять более пристальное внимание своему занятию и заглядывать водителям в глаза. Так прошло полчаса. Это было совершенно невероятно. Меня одолела дрожь. Когда осталось двадцать минут до отбытия лондонского автобуса, я побежала к телефонной будке, составлявшей мне единственную компанию у дороги. Нашла справочник, а в справочнике диспетчерскую такси, благодаря абстрактные высшие силы за то, что в этом богом забытом месте таковая оказалась. Подошел мужской голос с арабским акцентом; я стала уговаривать его приехать и забрать меня. Он долго не сдавался. По всей видимости, он был и диспетчером, и таксистом, а других сотрудников не существовало. Он говорил:

– А что, если я сейчас приеду, а ты поймаешь другую машину и уедешь? А я потрачу бензин и время?

Я говорила, никуда я не уеду, я уже час тут стою, и ни один козел не остановился. Он запросил сорок фунтов, неслыханные деньги. Я вынуждена была согласиться.

> **Нет ничего страшнее, чем сожалеть о том, что мог бы сделать. Ведь могла бы, но даже не подумала. Американская философия: видишь — хватай <**

Между тем, продолжала голосовать. Естественно, не хотелось терять сорок фунтов, но деньги были не самой большой проблемой. Оставалось двенадцать минут до автобуса. Когда осталось восемь, у меня потемнело в глазах. В тот же момент остановилась маленькая машина со старушкой за рулем. Сядь, я успела заметить диковинную жестикуляцию из проехавшего мимо автомобиля.

Это и был тот диспетчер-таксист. Он преследовал нашу машинку, сигналил, а бабушка недоумевала. Я готова была провалиться сквозь землю, мучилась и обливалась потом. Бабушка мило болтала со мной о бого, о том, как он мне помогает; я едва мычала в ответ.

Автобус стоял с работающим мотором; я бросилась к нему. Потный и задыхающийся арабский таксист догнал меня, схватил за руку и начал врещать, требуя сорок фунтов. Ничего не добившись, возвратил к водителю автобуса, чтобы тот не пускал меня на борт. Не поимев успеха и тут, побежал, извергая угрозы, к полицейскому участку, находившемуся в ста метрах. И как назло, в автобусе что-то заело. Ну, думаю, не выбраться мне в большой мир, пропаду почем зря. Выйдет полицейский, станут разбираться – в такой глупи, на верное, иностранцев не любят, скажут, нарушила

устный контракт. А автобус уедет себе... Со своего сиденья я дико пучила глаза на водителя и его манипуляции с ключом зажигания, пытаясь передать энергию по воздуху, хотя пот заливался мне в глаза и щипал. Это была, бесспорно, кульминация, и меня трясло уже так, что стучали зубы и неизвестно дергались конечности. Но мотор вдруг завелся, и автобус уехал вместе со мной. После такого выброса адреналина я всю дорогу тупо смотрела в окно, не озабочившись ни единой мыслью. Пережитого мной только что любому человеку хватило бы, чтобы забыть о путешествиях. Но не мне, конечно же.

В следующие выходные я приехала в город Варвик на последнем автобусе. Погуляла, осмотрела красоты, что-то съела. Маленький городишко. Заглядывала в окна крошечных, будто игрушечных домиков, и наблюдала семьи за обедом. Затем озабочилась поиском пристанища на ночь. Вот тут-то и ждал меня сюрприз. Оказывается, в этом городишке происходил фестиваль оперной музыки, и все гостиницы были забиты. Я обошла весь город. Улицы опустели ровно в семь часов; стемнело, и я бродила, будто заживо попала в фильм ужасов, где персонаж оказывается во внезапно и таинственно вымершем населенном пункте. Стучаться в домики к семьям я не догадалась, хотя, вполне возможно, кто-нибудь бы меня и приютил. Я взяла на заметку небольшой парк с часовней и скамейками, досидела до одиннадцати в пустом пабе и пошла туда. Вытащила из рюкзака одеяло, расстелила на лавке и легла. Вдруг во всех фонарях выключился свет. Вероятно, на ночь их выключали. Я лежала ни жива, ни мертвa, и ни о каком сне не могло быть и речи. Так боялась, что не могла пошевелиться, и потому продолжала лежать. Тут закричала ночной птица, жутким и зловещим криком. Я пугалась вылетела на освещенную мостовую.

Делать было совершенно ничего. Я кружила по пустым улицам, ежесекундно оглядываясь. И набрела на надпись: ночной туалет. Зашла и сделала свое дело. Видимо, туалет этот, наоборот, отпирался лишь на ночь и был чист. Ночью ведь на улицах никого нет. Я не нашла ничего лучше, чем запереться изнутри покрепче и расстелить одеяло на полу. Галогеновая лампа не выключалась. Скрючившись в маленьком помещении, провела несколько часов в болезненной полу值得一.

В шесть утра это стало невыносимым. Постанывая от ломоты в костях, я выбралась наружу, на чисто английский летний утренний мороз. На улицах – по-прежнему никого. Дико хотелось есть. Все закрыто. Стала заниматься спортивной ходьбой.

Через час показался первый прохожий. Я догнала его, весьма удивив своим присутствием, и спросила, где у них едят в такой час. Молодой мужчина разулыбался, юркнул в подъезд, и вынес мне стакан сока и тост с джемом, тут же исчезнув. Я продолжала бродить. Показался первый автомобиль. Он остановился сам. Дяденька подвез меня на ближайшую железнодорожную станцию, где я купила журнал, кофе и билет. И что говорят, будто англичане – вздорные и бездушные люди? Дажеочные туалеты держат, без всякой на то необходимости.

